

ОПУБЛИКОВАНО В ГАЗЕТЕ «ВЕЧЕРНИЙ ТБИЛИСИ» 30 мая-1 июня 2012 г.

КОЛОРИТ СТАРОГО ТБИЛИСИ: подкоп под репутацию

Английский писатель-фантаст Герберт Уэллс в 1920 году посетил Советскую Россию и написал об этом книгу "Россия во мгле". В ней Уэллс, в частности, коснулся слишком громдой, по его мнению, бороды Карла Маркса: "Куда бы мы ни приходили, повсюду нам бросались в глаза портреты, бюсты и статуи Маркса. Около двух третей лица Маркса покрывает скучная борода, которая, вероятно, причиняла своему хозяину много неудобств в повседневной жизни. Своим бессмысленным избытием она чрезвычайно похожа на "Капитал"; и то человеческое, что остается от лица, смотрит поверх нее свиным взглядом, словно желая знать, какое впечатление эта растительность производит на мир.

Вездесущее изображение этой бороды раздражало меня все больше и больше. Мне неудержимо захотелось обрить Карла Маркса. Когданибудь, в свободное время, я вооружусь против "Капитала" бритвой и ножницами и напишу "Обритие бороды Карла Маркса". - пишет Герберт Уэллс.

Прочиталopus Олега Панфилова "Кинто - запретная тема" и вспомнилась марксова борода и его знаменитое изречение: "Философы всех времен пытались объяснить мир, а вопрос состоит в том, как его изменить." Вот

так и мы: жили — не тужили, купались в своих воспоминаниях о старом Тбилиси, слагали легенды о его традициях, зачитывались книгами, декламировали стихи: "Мне Тифлис горбатый снится...", воспроизводили слова, звучащие как музыка: зурна, азарлеша, карачохели, кинто... И все это, уввы, впустую. Ибо можно, оказывается, запросто взять и вытащить из фундамента всех этих воспоминаний, легенд, книг и стихотворений кирпичик, да что там кирпичик — кирпич, без которого вся конструкция заходит ходуном. И при этом поганно посмеиваться. И вытащили же! И вот она уже готова разрушиться, обвалиться на наши глаза - эта некогда величественная конструкция.

Кончаем темнить: речь идет об исследовании профессора тбилисского университета Илии Олега Панфилова, в котором черным по белому доказывается, что овечьные легендарным флером тбилисские кинто, о которых столько сказано и пересказано в прозе, стихах, кинофильмах, являлись самыми банальными, нет, не геями, как уважительно сказали бы мы сегодня, не людьми нетрадиционной сексуальной ориентации и даже не "голубыми", как цветисто выразились бы мы еще совсем недавно, а самыми обыкновенными, цитируем Панфилова, "пед...растами".

Да, да, не удивляйтесь, именно так. Тем более что сам автор не делает из своего открытия никакого секрета. Изыскания господина Панфилова появились на одном из грузинских

сайтов, но остались почти незамеченными тбилисской общественностью. Уж не из-за чрезмерной ли нашей политкорректности?

Как же быть с кинто? Изъять это слово из обращения? Вообще вычеркнуть из памяти? Прихлопнуть как муху и жить дальше? И на вопросы заезжих гостей: "А где же кинто? Что-то его не видать?", отвечать как ни в чем небывало: "А нету его. Шлепнули. "Голубым" кинто оказался."

Словом, стараниями господина Панфилова, бывшего москвича, неожиданно ставшего тбилисцем, нашего вечного разгильдяя - кинто, которого и прежде вряд ли бы впустили в "лучшие дома Филадельфии", еще раз крепко и прилюдно прилепнули.

"И поделом!" — скажут, наверное, единомышленники Олега Панфилова.

"Не верю!" - отвечает профессору университета Илии бывший тбилисец, ставший москвичом, собственный корреспондент газеты "Вечерний Тбилиси" в России Валерий Партугимов, расчехляя, как заправский цирюльник, безопасную бритву и готовясь к обриту бороды своего оппонента.

"Поосторожнее с инструментом". - предупреждаю я его.

"За бедни кинто замолвлю словечко". - оправдывается бывший тбилисец.

Впрочем, приносим господам Партугимову и Панфилову наш глубокий, как сказал бы изобретательный тбилисский кинто, "извинтест". ибо бывших тбилисцев, как и бывших москвичей, наверняка не бывает.

Владимир АНТИДЗЕ.

КИНТО — ЗАПРЕТНАЯ ТЕМА? Олег Панфилов

В середине 80-х годов меня увлекла жизнь и творчество Василия Верещагина, русского художника 19 века, который в советское время был официально провозглашен «великим гуманистом», а в качестве иллюстрации его взглядов в советских школьных учебниках приводилась репродукция картины «Апофеоз войны». Вы помните: гора из нескольких тысяч человеческих

черепов и подзаголовок — «Посвящается всем великим завоевателям, прошедшим, настоящим и будущим». Верещагин действительно был яркий и дотошный художник, последователь классического реализма, великолепный исследователь, до мельчайших деталей прописывавший сюжеты.

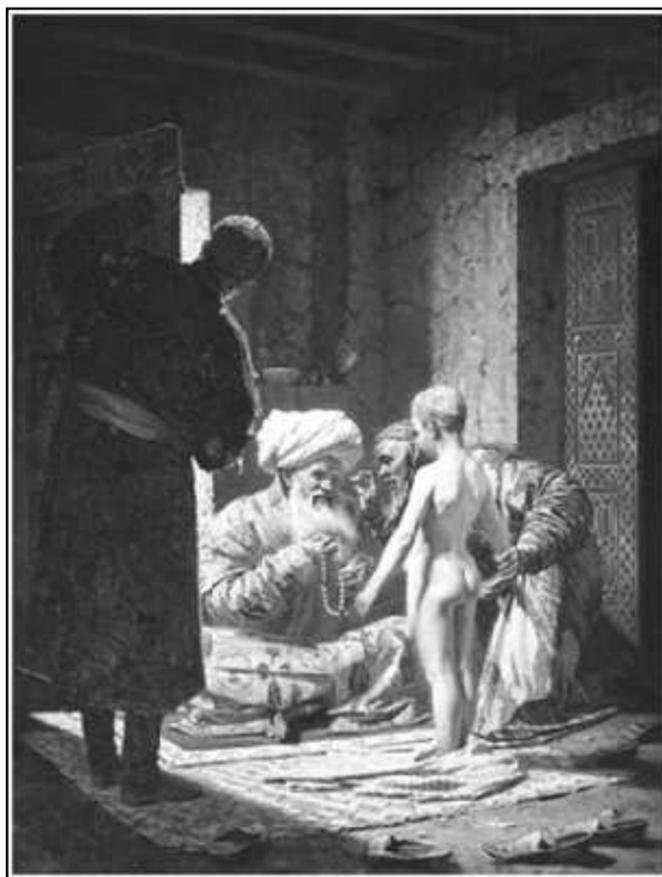
Я бросил писать книгу о художнике после того, как нашел в его книге фразу из письма художественному критику Владимиру Стасову: «Я сам стрелял людей буквально, как куропаток». Верещагин писал о своем участии в «обороне» Самарканда 1868 года. Мне расхотелось писать о «великом гуманисте», но работы Верещагина подтолкнули к работе над следующей книгой — об истории проституции в Центральной Азии. Верещагин был неплохим этнографом и каждую свою картину описывал в дневниках, часть из которых были изданы в книгах. В одном из дневников я прочел описание картины «Продажа ребенка-невольника в рабство», в которой изображен 5-6-летний голый мальчик и люди в азиатских халатах,

которые торгуются. В советских книгах по искусству почему-то умалчивалось описание сюжета Верещагина, поэтому эта картина долгое время представлялась как пример деспотизма. Советские критики писали почти одинаковые тексты: «В картине «Продажа ребенка-невольника» художник гневно обличает другую мрачную сторону среднеазиатской действительности того времени — работорговлю. Изобразив в качестве «живого товара» не взрослого человека, а беззащитного, беспомощного ребенка, Верещагин усилил трагическое звучание темы».

Помимо этой известной картины, датированной 1872 годом, ранее, в 1868 году Верещагиным была написана еще одна — «Бача со своими поклонниками». Но на выставке в Париже, после многочисленных замечаний в прессе и среди критиков, картина была уничтожена. Лишь спустя четыре года была написана другая, более известная. А в книге Верещагина «Из путешествия по Средней Азии», изданной в Санкт-Петербурге в 1883 году, он, как всегда привел описание сюжета:

«Такое крайне униженное положение женщин составляет главную причину, между прочим, одного ненормального явления, каким представляется здешний "бача". В буквальном переводе "бача" значит мальчик; но так как эти мальчики исполняют еще какую-то странную и, как я уже сказал, не совсем нормальную роль, то и слово "бача" имеет еще другой смысл, неудобный для объяснения.

В бачи-плясуны поступают обыкновенно хорошенькие мальчики, начиная лет с восьми, а иногда и более. Из рук неразборчивых на способ добывания денег родителей ребенок попадает на руки к одному, к двум,

Дорогие тбилисцы! Вы можете посмотреть все номера нашей газеты на сайте: www.davidsshield.net

иногда и многим поклонникам красоты, отчасти немножко и аферистам, которые с помощью старых, окончивших свою карьеру плясунов и певцов выучивают этим искусствам своего питомца и раз выученного нянчат, одевают, как куколку, нежат, холят и отдают за деньги на вечера желающим, для публичных представлений.

Такие публичные представления – "тамаша" мне случалось видеть много раз; но особенно осталось в памяти первое мною виденное, бывшее у одного богатого купца С. А.

«Тамаша» даются почти каждый день в том или в другом доме города, а иногда и во многих разом, перед постом главного праздника байрама, когда бывает наиболее всего свадеб, сопровождающихся обыкновенно подобными представлениями. Тогда во всех концах города слышны стук бубен и барабанов, крики и мерные удары в ладоши, под такт пения и пляски батчи. Имей еще в городе мало знакомых, я просил С. А. нарочно устроить «тамашу» и раз, поздним вечером, по уведомлению его, что представление приготовлено и скоро начнется, мы, компанией в несколько человек, отправились к нему в дом.

В воротах и перед воротами дома мы нашли много народа; двор был набит битком; только посередине оставался большой круг, составленный сидящими на земле, чающими представления зрительями; все остальное пространство двора – сплошная масса голов; народ во всех дверях, по галереям, на крышах (на крышах больше женщины). С одной стороны круга, на возвышении, музыканты – несколько больших бубен и маленькие барабаны; около этих музыкантов, на почетное место, усадили нас, к несчастью для наших ушей. Двор был освещен громадным нефтяным факелом, светившим сильным красным пламенем, которое придавало, вместе с темно-лазуревым звездным небом, удивительный эффект сцене.

«Пойдемте-ка сюда», – шепнул мне один знакомый сарт, подмигнув глазком, как это делается при предложении какого-нибудь запретного плода. «Что такое, зачем?» – «Посмотрим, как бачу одевают». В одной из комнат, двери которой, выходящие на двор, были, скромности ради, закрыты, несколько избранных, большею частью из почетных туземцев, почтительно окружали бачу, прехорошенького мальчика, одевавшегося для представления; его преобразили в девочку: подвязали длинные волосы в несколько мелкозаплетенных кос, голову покрыли большим светлым шелковым платком и потом, выше лба, перевязали еще другим, узко сложенным, ярко-красным. Перед бачой держали зеркало, в которое он все время кокетливо смотрелся. Толстый-претолстый сарт держал свечку, другие благоговейно, едва дыша (я не преувеличиваю), смотрели на операцию и за честь считали помочь ей, когда нужно что-нибудь подправить, поддержать. В заключение туалета мальчику подчеркнули брови и ресницы, налепили на лицо несколько смушек – *signes de beauté* – и он, действительно преобразившийся в девочку, вышел к зрителям, приветствовавшим его громким, дружным одобрительным криком».

Книгу о проституции в Центральной Азии – женской, мужской и зоофилии я положил «в стол»: время было советское, публиковать такое было невозможно, архив по большей части пропал, а о самой книге я забыл. Вспомнил лишь когда приехал жить в Грузию и когда попытался выяснить происхождение слова «кинто».

Отголоски легенд о происхождении кинто до сих пор распространены в форме разных слухов – от советских версий о том, что кинто – угнетенный класс, торговые люди, иногда были замеченные в участии в увеселительных мероприятиях. Встречаются версии о том, что они – сплошь пьяницы, ведущий разгульный образ жизни, аферисты. Чуть получше – мелкие торговцы, прислуга господ. Наконец, очень редко, в основном из рассказов старожиллов можно услышать версии и иного свойства, содержащие намеки на своеобразное занятие, свя-

занное с сексуальными утехами, или, в лучшем случае, с поведением, осуждаемым обществом.

Кинто в Грузии считается частью тбилисской городской культуры, а танец «кинтоури» – популярным в концертных программах. Но чем больше я видел в разных хореографических постановках «кинтоури», тем чаще вспоминались танцы афганских «бачабози», аналогии оказались самыми близкими. Похожие ритмы, движения – тела и рук, даже одежда, хотя кинтоури исполняется мужчинами в широких шароварах, а бачабози танцуют в женской одежде. В дневниках Верещагина танцы бачабози описываются так:

«Бача тихо, плавно начал ходить по кругу; он мерно, в такт тихо вторивших бубен и ударов в ладоши зрителей выступал, грациозно изгибаясь телом, играя руками и поводя головою. Глаза его, большие, красивые, черные, и хорошенький рот имели какое-то вызывающее выражение, временами слишком нескромное. Счастливы из зрителей, к которым обращался бача с такими многозначительными взглядами и улыбками, таяли от удовольствия и в отплату за лестное внимание принимали возможно униженные позы, придавали своему лицу подобострастные, умильные выражения. «Радость моя, сердце мое», – раздавалось со всех сторон. «Возьми жизнь мою, – кричали ему, – она ничто перед одною твоею улыбкою» и т. п. Вот музыка заиграла чаще и громче; следуя ей, танец сделался оживленнее; ноги – бача танцует босиком – стали выделять ловкие, быстрые движения; руки змеями завертели около заходившего корпуса; бубны

застучали еще чаще, еще громче; еще быстрее завертелся бача, так что сотни глаз едва успевали следить за его движениями; наконец, при отчаянном треске музыки и неистовом возгласе зрителей воспоследовала заключительная фигура, после которой танцор или танцовщица, как угодно, освежившись немного поданным ему чаем, снова тихо заходил по сцене, плавно размахивая руками, раздавая улыбки и бросая направо и налево свои нежные, томные, лукавые взгляды».

Схожесть танцев подтверждаются и рассказами, которых много в грузинских исторических книгах, и городских легендах, где «кинто» представляются мужчинами легкого поведения, которые развлекали мужчин на вечеринках или каких-либо праздниках. Даже такая потрясающая схожесть, как присутствие в текстах песен кинто обращения к маленькому мальчику («патара бичи»). Правда, в современном исполнении песен «кинто» любовного содержания фигурирует маленькая девочка («патара гого»), но даже пожилые люди помнят, что раньше говорилось именно о маленьком мальчике и о любви к нему.

В статье Тенгиза Верулава приводятся аналогии с персидскими традициями. Он даже предполагает, что традиции кинто, восходящие к средневековой Персии, отслеживаются в более поздних описаниях поведения кинто – «ложь, афера, надувательство». Если опять обратиться к описанию в дневниках Верещагина бачабози, то очевидно происхождение такого поведения:

«...у стены важно и гордо восседает маленький бача; высоко вздернувши свой носик и прищуря глаза, он смотрит кругом надменно, с сознанием своего достоинства; от него вдоль стен, по всей комнате, сидят, один возле другого, поджавши ноги, на коленях, сарты (сартами называли персоязычных жителей Центральной Азии) разных видов, размеров и возрастов – молодые и старые, маленькие и высокие, тонкие и толстые – все, уткнувшись локтями в колени и возможно согнувшись, умильно смотрят на бачу; они следят за каждым его движением, ловят его взгляды, прислушиваются к каждому его слову. Счастливцев, которого мальчишка удостоит своим взглядом и еще более словом, отвечает самым почтительным,

подобострастным образом, скорчив предварительно из лица своего и всей фигуры вид полнейшего ничтожества...».

Скорее всего, своеобразный род занятий, профессия кинто и бачабози отложила отпечаток на их поведение, даже спустя несколько поколений, а затем и стала своеобразной визитной карточкой кинто, даже когда они превратились из танцующих мальчиков в мелких торговцев. Эта трансформация происходила постепенно, а рассказы историков дополняются описаниями прошлого Тбилиси 100-летней давности о том, что тбилисский район Майдан славился тем, что там находились увеселительные заведения, а любителей захаживать в них обвиняли в сексуальных извращениях. В советской историографии «кинто» так и остались мелкими торговцами, которые наряду с «карачохели» представляли мелкий бизнес Тбилиси: «карачохели» были ремесленниками, а «кинто» – веселыми торговцами. Однако кинтоури и образ жизни «кинто» напоминают об их происхождении.

В сохранившемся тбилисском фольклоре конца 19 века есть и такой текст, приписываемый кинто Артуру-заике:

Так зачем мне зад мой милый... (и далее, текст мы не приводим полностью Ped.)

Само собой, иллюстраций кинто того времени я не видел, но фотографии конца 19 века, на которой запечатлен один из тбилисских кинто Дарто Галустян, достаточно точно показывает своеобразность поведения. Поза, шаловливость, жест руки с соединенными пальцами, как часть танцевального женского движения – сохранились и в кинтоури, по крайней мере, в ранних постановках или съемках настоящих кинтоури конца 19 – начала 20 веков.

В поиске происхождения названия «кинто» меня все больше вводило в то время, когда на грузинскую культуру и язык большое влияние оказывала Персия и персидский язык. И если из персидского в грузинский язык попали самые обычные слова – «куча», «пули», «панджара» и многие другие, то и слово «кинто» вполне могло быть персидского происхождения?

Но почему «кинто»? И откуда оно? Одна из исторической версий связывает появление «кинто» во времена царя Ростом (1565–1658), и привезены были «кинто» из Персии в качестве «культурного товара» и, как предполагается, в качестве «культурной интервенции». А еще точнее, как предполагают некоторые исследователи, для разврата, ассимиляции с персидскими традициями того времени, когда в городах персоязычного мира процветало увлечение бачабози. Это было вполне естественно для царя Ростом, воспитанного при дворе персидского шаха Аббаса I и перенявшего и привнесшего в Грузию (Картли, а затем и в Кахетию) традиции персидского управления и образа жизни.

Однако попав в Грузию «кинто», после правления царя Ростом могли оказаться не у дел, их деятельность после окончания персидского влияния на Грузию могла оказаться под пристальным вниманием возрождающейся православной церкви и общества. Скорее всего, поэтому постепенно деятельность «кинто», то есть участников увеселений, в том числе и сексуальных, могли трансформироваться как в

вполне безобидную часть городской жизни.

Тем не менее, имидж «кинто» до сих пор имеет явно сексуальный оттенок, который не могут избежать даже современные исполнители танцев «кинтоури», а историки – этнографы и фольклористы помнят о большом количестве скабрзностей, которые были частью песен и поведения «кинто». Их шутки и песенки были вульгарные, а поведение осуждалось обществом.

Вернусь, тем не менее, к воспоминаниям о своей так и не изданной книге. Сексуальное поведение жителей восточных стран не только не осуждалось, но и были важной частью культуры городских жителей, как в доисламское время так и после исламизации. Этнографы фиксировали, например, в современных Таджикистане и Узбекистане, территории которых были частью персоязычного пространства, наравне с современным Афганистаном и Ираном, своеобразные развлечения во время торжеств, прежде всего, свадебных.

Традиционно устраивались отдельно мужские и женские торжества, во время которых в мужском кругу исполнялись женские танцы, и мужчины накидывали на себя покрывала, под которые прятали пиалы, имитировавшие груди. Они намеренно пели тонкими голосами, а когда танцевали, то подражали движениям женщин, повиливая бедрами и призывно изгибаясь.

У женщин также было подобное развлечение, но наоборот – женщины изображали мужчин: некоторые из них рисовали углем усы, а дополнением к мужскому образу был

свернутый жгутом подол платья, изображавший фаллос. Само собой, если они пели, то нарочито грубыми голосами, а участвуя в танцах исполняли роль мужского партнера.

Таким образом, внешняя замена пола отчасти прослеживается и в разных современных танцах, в том числе и грузинских, но поскольку повод для подобной имитации уже давно забыт, то исполнение танцовщицей мужской партии выдается за доблесть женщины. В «кинтоури» до настоящего времени используется много женских движений, например, движения ладонями у лица, или походкой, которая передает скорее строение женского тела, чем мужского.

Все время, пока я искал сравнения и историческое подтверждения появления «кинто» в Грузии, меня не оставляло желание найти происхождение самого слова «кинто». В грузинском лексиконе нет его семантического объяснения, попытки привязать его к армянской городской культуре Тбилиси – тоже, хотя в хрониках царя Ростома указывается, что первые «кинто» были армяне – выходцы из Персии.

Объяснение нашлось в той самой неизданной книге. Помимо официального обозначения «бачабози», в современных персидских языках сохранилось и презрительное обозначение: в таджикском и дари – «kunte», а как мне пояснил журналист Дариуш Раджабиён, в хоросанском диалекте персидского языка – «kundeh», от «kup» – «задница», а дословно – «дающий задницу», то есть, пед.раст или, по крайней мере, изображающий женщину легкого поведения.

Это слово до сих пор распространено, когда кого-то хотят обвинить в мужеложестве. Известный таджикский исследователь Мирбо Миррахим, живущий последние 20 лет в Иране, подтвердил мои лингвистические аналогии.

Однако, если учитывать версию о появлении «кинто» в Грузии, не понятна причина, по которой исчезло слово «бачабози», но сохранилось «кинто». Значит ли, что грузинское слово «бози» имеет происхождение в качестве остатка от «бачабози», а сами «бачабози» стали называться презрительно – «kunte» или «kundeh», трансформировавшись в кинто? Однако упоминание слова бози есть и в произведении «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели. Помимо прочего, в грузинском осталось еще одно слово, в большей части связанное с этими словами – «тамаши», от персидского – развлечение, представление, глазеть или любоваться. Именно этим словом до сих пор в Афганистане называют представления с участием «бачабози».

Я встречал разные версии происхождения слова кинто, расспрашивая исследователей и жителей Тбилиси, но никто так и не мог объяснить происхождения, поскольку ни в грузинском, ни в армянском языках нет близких по звучанию слов, хотя бы отчасти близких к роду деятельности кинто. Поэтому, я склонен считать, что происхождение слова кинто восходит к тому презрительному персидскому определению «kunte» или «kundeh».

Это вполне объяснимо. Несмотря на огромное влияние Персии, в грузинских царствах еще сохранялось влияние церкви и

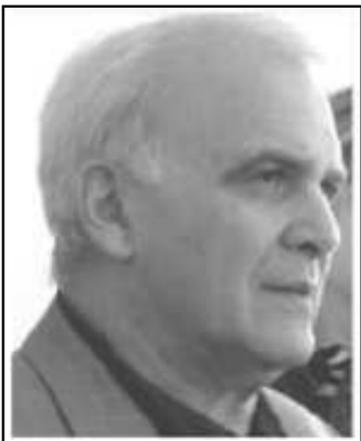
других ценностей, которые не могли воспринимать пришлую культуру, если вообще под культурой можно принимать гомосексуальные танцы бачабози. В крупных городах, прежде всего в Тбилиси, вероятнее всего шла внутренняя борьба: часть жителей воспринимала новшества, насаждаемые царем Ростомом, другая – противилась. Скорее всего, после реформирования и возрождения Грузинской православной церкви в 1744 году стало постепенно трансформироваться и увлечение городской мужской знати: отношение общества стало презрительным к подобного рода развлечениям. Сами «кинто» постепенно изменяли своей профессии, но многое от прошлого еще сохранилось – в фольклоре, танцах и песнях, а также легендах, связывающих их род занятия с сексуальными утехами.

Написанное ни в коей мере не может быть причиной споров – считать ли теперь кинтаури «нехорошим» танцем. История культуры любого народа связана с древними традициями и верованиями и противится тому, что стало народным, невозможно. История танцев – самая неприличная, если оценивать их происхождение у разных культур и народов. С нравственной точки зрения и танго – чуть ли не самый эротический танец, или испанское фламенко, не говоря уже о современной увлечении танцами живота.

Кинто и кинтаури останутся частью истории и культуры Грузии, несмотря на их весьма своеобразное происхождение.

ЗА БЕДНИ КИНТО ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

Валерий ПАРТУГИМОВ

Намедни случайность свела меня на одном из тбилисских интернет-порталов с исследованием журналиста Олега Панфилова. Востоковеда – как он сам себя представляет. Статья притянула к себе заголовком: «Кинто – запретная тема?» Казалось, сегодня вряд ли какая-либо тема может быть табуирована в СМИ, тем

более та, которая обращена к реликтовым явлениям или персонажам. К последним очевидно относится возникновение богемы кинто, процесс первоначала этого экзотического социального типа, ныне способный заинтересовать разве что историков или навечно очарованных духом тифлисской старины горожан старшего поколения. Похоже, их полку прибыло, и за сравнительно короткое время пребывания в Грузии О.Панфилов сумел вобрать в себя неисчислимы мудрости и таинства нашей земли, начал их расшифровывать и предлагать непосвященным свои толкования своих же открытий. Не исключаю, что и звание профессора Государственного университета Илии и почетного доктора Горийского университета О.Панфилов приобрел за особые заслуги в исследовательских проектах подобного рода.

Обозначу главное, что всеми подручными средствами пытается доказать автор: кинто с детских лет были подготовлены в определенной среде к эротическому увеселению мужчин, являлись пришельцами из Персии, мальчиками-грязетками, вынужденными на продажу «куколками»-гомосексуалистами (О.Панфилов предпочел более грубый термин), и лишь в заключительной стадии своего существования как социального типа трансформировались в мелких торговцев. При этом, как утверждает О.Панфилов, эти повзрослевшие и заматеревшие «куколочки» сохранили приметы своей бывшей профессии и сексуальной ориентации в манерах, пластике движений, в излюбленной стилистике специфического репертуара песен и танцев. «Все девочки были наряжены матросами, а мальчики – грязетками. Это было восхитительное зрелище; ничто не может так распалить похоть, как этот маленький сладострастный обмен...» – респект маркизу де Саду и его «Сто двадцати

дням Содома!»

Поначалу я не мог понять, отражает ли эта, прямо скажем, сенсационная статья выстраданное убеждение О.Панфилова, его полную уверенность в истинности им провозглашенного, или она оповещает нас всего лишь о мнении автора, в котором, как известно, тоже заключена уверенность, но – неполная. К первому варианту все более склонялся под напором безапелляционного интонирования письменной речи, какого-то чрезмерного, словно глубоко личного чувственного возбуждения, выраженного в стиле передачи автором смыслов и под-смыслов текста, в прихотливом монтаже свидетельств и ретроспекций.

Смею вас уверить, что по натуре своей я вполне предрасположен к новациям, и был бы готов при определенных условиях признать победительным убеждение О.Панфилова. Эти условия подразумевают лишь обоснование высказанных им тезисов доказательной аргументацией. Нельзя приготовить омлет, не разбив яиц.

Яиц оказалось много, но над омлетом завис тягучий запах тухлятины. Поначалу удивило занявшее почти одну треть статьи цитирование В.Верещагина, от уважительного отношения к которому автор категорически откестился буквально с первых строк своего опуса. Дневниковые записи известного русского художника, сделанные на основе его наблюдений в далекой Средней Азии, использованы О.Панфиловым в качестве доказательства возможности аналогий с Грузией по затронутой теме, а схожесть и повторяемость «картинок», как известно, иногда помогают выработать убеждения у доверчивых людей, если не с помощью безукоризненных фактов и доказательных аргументов, то, по крайней мере, путем внушения.

И какие «картинки», по О.Панфилову, должны нас убедить в том, что ко всем издавна известным порокам тифлисского кинто следует присовокупить еще один грешок, по совковой традиции и сегодня подвергаемый остракизму немалой частью общества? Получается, что лихие предположения и сомнительные озарения журналиста могут унижить наше добродушное снисходительное представление об этом разгильдяе вчерашнего дня, умилявшем нас своей яркостью, артистичным демонизмом, завидной харизмой – пусть даже со знаком минус? Ведь «джокер» в карточной колоде незаменим, он, как и кинто, предстает в изображении шута, но вот им можно заменить любую другую карту, это – дополнительная фишка, но особо ценная. А что наша жизнь? Игра...

А теперь без шуток. «Картинки с выставки» О.Панфилова меня не убедили. В.Верещагин рассказывает о том, что не имеет к Грузии никакого отношения и, в общем, сегодня доста-

точно хорошо известно: да, во второй половине XIX века в Туркменистане, в среде оседлых сартов, по причинам совершенной замкнутости женщин и при отсутствии даже отголоска интеллектуальных человеческих интересов, была широко развита гомосексуальная традиция, в частности педофилия, культ «бачебазства» – содомского греха (у О.Панфилова – «бачабозство»). «Природе человека, на какой бы низкой ступени духовного развития он ни стоял, свойственны соответствующие этому развитию потребности чувственных отвлечений: как диким обитателям Африки, неграм секты Воду, или мексиканским индейцам секты Наугаль доставляют высокое наслаждение неистовые вакханалии в празднество заклания змей, так среднеазиатскому мусульманину, при современном складе жизни, совершенно естественно упиваться изливанием чувств пригожему мальчику, плясуну и певцу», – так объяснял это явление русский исследователь Средней Азии и путешественник Г. Арандаренко («Между туземцами степного уезда. Досуги в Туркестане. 1874–1889», СПб., 1889г.).

Печально, конечно, но такова была исторически сложившаяся действительность безнадежно отсталых сартов, оказавшихся без национальных святынь, без предметов национальной гордости и как бы вне истории вообще, что утверждают составители «Этнического атласа Узбекистана» – примитивных существ, веками погруженных в невежество, в одуряюще монотонную степную меланхолию, прерывавшуюся сладострастными видениями под опьянением гашишем и всплесками грубых, извращенных наклонностей. Им предстояло пройти долгий путь духовного, умственного перевоспитания, совершенствования, прежде чем в поэтапно обновляемом обществе возникла нарастающая потребность коренного изменения жизни, вхождения в цивилизованное этическое и духовное состояние.

Но какие аналогии могут связать эту «картинку» с соответствующим и более поздним периодом грузинской действительности? Старый Тифлис – центр духовной жизни Кавказа, толерантное вместилище разноязычных народов, этически сбалансированная обитель людей разного вероисповедования, органично слившихся с христианским бытом и укорененными веками нравственными постулатами большинства, столица, пронизанная европейским духом и стилем, насыщенная интеллигентами, празднично веселыми, но и мудрыми деликатными горожанами, прекрасно знавшими цену всем своим, под черкну – исключительно тбилисским, сословиям и сообществам, в том числе таким знаковым, как карачохели и кинто. Этот великий город появился на Земле по Божьему благословию и не мог быть, и не стал ристалищем для упражнений сатаны. Я думаю, достопочтенный В.Верещагин в гробу бы перевернулся от

одного только предположения, что его дневниковые записи о полудиких племенах Средней Азии и их адекватных забавах могли быть использованы как аргумент в подкрепление странного предположения о родственности озорных грубоватых кинто с жеманными и опущенными «баче», как ядовитое жало, вонзенное в сердце Грузии, о которой он писал с восхищением: «Романтический строй, с его светлыми идеалами, возвышенной любовью, культом женщины и рыцарской честью» («Памяти прошлого» - «В ущельях пламенной Колхиды», С.-Пб, 1914г.). Не пожелал бы я О.Панфилову встречи пусть даже с призраком одного из давно покинувших наш мир кинто, который живо доказал бы автору поспешных умозаключений свою принадлежность к особо брутальной части мужского рода.

Помню, в 1968 году, во время работы над материалом о съемках фильма «Пиросмани», я впервые из уст режиссера Георгия Шенгелая услышал о запутанной истории появления богемы кинто. Он говорил о кинто, как о драгоценном сегменте национального достояния, размышлял не торопясь, с интеллигентской деликатностью, не скрывая сомнений, обращаясь к древнегрузинским фрескам, к ассирийским барельефам, персидским ковровым орнаментам и вознесенным к Аллаху витиеватым песнопениям, к одухотворенным образами кинто картинам Пиросмани («О, этот бездонный черный цвет...») - к загадке сплетения воедино тревожного богохульства и странной святости, воплотившихся в пластической и смысловой сущности кинто как неповторимого явления.

Пошлакам представляется проституткой обнаженная, божественно грациозная Венера, изваянная в пропорциях «золотого сечения», на стыке тончайшей эмоции ее безымянного гениального создателя и сопротивления грубого камня. Кажется, по прихоти Всевышнего исчезли руки этого самого, пожалуй, знаменитого скульптурного воплощения незыблемости красоты на нашей Земле. Много лет назад в беседе Ладо Гудиашвили обронил поразившие меня мудростью слова: «Венера вдвойне прекрасна от того, что мы не знаем, каковы ее руки. Руки Венеры - это мечта. Их можно только искать...». Великий художник любил и почитал богему кинто, волшебным образом воссоздал ее дух в своих картинах, обожал танцевать «Кинтоури» и делал это искусно, с неповторимым шармом.

Напомню, что такой блестящий знаток тбилисской старины, как Иосиф Гришашвили, в своей уникальной книге-исследовании «Литературная богема старого Тбилиси», не скрывая расхлябанности, прижимистости, наглости и других незавидных черт кинто, посчитал необходимым подчеркнуть: «И все же, как ни странно, кинто - вышел из карачохели! Кинто - выродившийся человек в черной чохе». Падший - но в прошлом карачохели, театрально воинствующий на улицах мужлан, но отнюдь не дешевая подстилка и уж вовсе не мальчик-грязетка! А вот кем был в грузинской действительности предтеча кинто - карачохели, могут не знать только беспредельно равнодушные к нашей истории и культуре, пришедшие циничные «знатоки». Позволю себе повторить однажды сказанное мной на радио «Эхо Москвы»: «Карачохели и кинто - противоположности, но вместе с тем они неразделимы. Карачохели крепкий, мужественный, где-то вышедший из бескорыстных защитников отечества. И всегда его поступки и поведение крайне благородны во всех отношениях - поможет бедному, заступится за обижаемого ребенка. Это рыцарь, но и ценитель изящных искусств, красивой городской песни...». Помню, по просьбе ведущего я как мог пропел пару любимых мной песен кинто типа: «Сазкиоши эртад цавалд, вай-вай...».

Много песен кинто знаем мы, дорогой читатель, немало их приняты нашей памятью со страниц книг того же И.Гришашвили, других писателей, поэтов и ученых - песен часто задиристых и грубоватых, но, по правде говоря, ни одна из них не укладывается в то ложе скабрзности, из которого О.Панфилов умудрился натужно вытащить за уши стихоплетство некоего кинто-заика Артура: «Мэ рад минда эс куртума, туки кац ар гамаадга?...» (Привожу цитату на грузинском языке, потому что в расположенном рядом вольном переводе на русский язык она приобретает и вовсе непотребный характер). Автор статьи не приводит источника, из коего он почерпнул этот подзаборный шедевр, ни в одном из обзоров стихосложенный кинто мне не удалось обнаружить ни процитированных строк, ни упоминания кинто - носителя такого пафосного англосаксонского имени. В то время в простонародье имен с отметиной аристократической принадлежности не существовало. Задам расхожий вопрос: «А был ли мальчик?» Отвечу по К.Станиславскому: «Не верю!» Каким же странным воодушевлением должен быть охвачен журналист, чтобы часами сидеть с «удочкой» на берегу безвестного болота с целью выудить

одну-единственную полудохлую рыбку с виляющим хвостом, простите - задком, при этом не замечая тысячи других «золотых рыбок», разведенных кинто в щедрой заводи настоящего тбилисского городского фольклора, любимого нами за то, что в этой песенной задорности, острологии, словесной несостыкованности, шероховатой душевности отражена и часть ментальности истинного тбилисца с ее одновременным существованием в нескольких измерениях?

Есть в среде интеллектуалов убеждение, что в искусстве, архитектуре, дизайне образное мышление творца, направленное на поиск совершенства формы, подосознательно наводит его на графически обобщенную пластику женской фигуры. Экстерьер автомобиля, например, дизайнерами совершенно осознанно конструируется как реплика женской фигуры. Однако только в тяжелом сне можно себе представить человека, испытывающего оргастические конвульсии при виде открытого багажника в круглой задней части седана.

Мне кажется, некоторые публичные персоны, даже из тех, кто каждодневно засекает розами территории демократии, в подсознании своем не могут расстаться с тем самым имперским синдромом, который они клянутся изничтожить в других. Некоторые пассажи в статье О.Панфилова по методике оценки фактов в точности копируют подходы самых бесстыжих критиков советских

времен, которые перед тем, как облить грязью автора романа «Доктор Живаго», заявляли: «Я Пастернака не читал, но мнение имею». И О.Панфилов вторит им: «Иллюстраций кинто того времени я не видел, но...» После этого сакраментального «но» О.Панфилов долго и со смаком рассуждает о позе танцующего кинто с наклоном туловища вперед, зафиксированной на одной-единственной, обнаруженной им фотографии конца XIX века, и делает сокрушительное обобщение, что эта поза «точно показывает своеобразность поведения» (понятно - какого?). Улыбка кинто кажется автору шаловливой, а жест руки с соединенными пальцами - частью женского танцевального движения, характерного для «Кинтоури». Все вместе, видимо,

должно нас убедить в очевидности гомосексуального позиционирования всех кинто того времени. Так и хочется воскликнуть: «Окститесь, батенька, какие вам пейзажи в иллюминаторах ракет!» О позе подозреваемого с фотографии вполне можно сказать, что он исполняет фигуру «Кинтоури», но и «Багдадури», «Шалахо», «Лезгинки», «Хоруми», десятка современных хореографических композиций Грузинского национального балета «Сушишвили», а также и то, что в момент съемки кинто был застигнут острым приступом радикулита. Надо совершенно ничего не знать о характере и пластике кавказских танцев, чтобы увидеть в наклоне туловища предосудительное движение навстречу пленительному разврату. Множество наших прекрасных танцовщиков тысячи раз совершали в танцах эти наклоны вперед, как, впрочем, - и назад, и вправо-влево, с прыжком и без такового, часто позволяя себе при этом улыбнуться весьма «шаловливо». Мы же не порицаем северян за постные скучные выражения их лиц, не видим повода для издевок над бурной жестикуляцией, скажем, итальянцев, не раздражаемся от длиннот индийских танцев, в которых, к слову, наклонов и чувственных изгибов поболее будет, нежели в самом бесшабашном исполнении «Кинтоури». Просто надо понять, что нам радостней видеть наполненные южным солнцем улыбки, даже с хитринкой, с потешной гримасой, пусть максимально шаловливые. И что прикажете нам делать - в каждой хитрованской улыбке, в каждом наклоне и разведении ног в прыжке видеть потаенное страстное желание танцора отдаться партнеру по сцене в состоянии полета?

Портрет бачи.
В.Верецагин. 1867-1868 гг.

Кинто.
Фото Д.Ермакова. XIX век.

«Имидж кинто до сих пор имеет явно сексуальный оттенок, - стоит на своем О.Панфилов, - который не могут избежать даже современные исполнители танцев «Кинтоури». А что - надо этого избегать? Или запретить? А как вам откровенная сексуальность «Кармен-сюиты», что вы думаете о своевременности запрета на некоторые русские народные танцы, особенно - хороводы на праздник Ивана Купалы, когда девушки азартно пляшут вокруг куклы «Ярилы» с подвешенным меж ног внушительных размеров деревянным детородным членом; наконец, как сгноить украинский танцевальный фестиваль «Инь-Янь», где народные танцы подаются как острое эротическое действо? Американский хореограф Марпук определяла танец как подлинное выражение глубочайших чувств, высвобождаемое через движение тела, Хэвлок Эллис считал танец виртуозным развитием сексуального импульса, все знаменитые русские хореографы и танцовщицы придерживались похожего мнения. Прямо скажем, этический рисунок грузинских танцев на фоне остальных выглядит творением талантливых пуритан: по сути своей эти танцы сохранили дух древности, культуру, исходящую из очаговых традиций, из царивших в семьях нравственных представлений. А вот О.Панфилов увидел в наших танцах символ сексуальной и моральной распушенности. К месту напомнить ему слова известного кинорежиссера: «Двое смотрят вниз: один видит лужу, другой - звезды в ней».

Дальнейшие «изыскания» О.Панфилова подстать предыдущим: раздумья об этимологии слова «кинто» приводят его к сравнениям со словом «kundeh», корень которого «kup» означает «задницу» на персидском языке. Мне, в отличие от О.Панфилова, надоело водить пером вокруг ягодич, поэтому лучше вновь обращусь к авторитету И.Гришашвили, познавшему глубины грузинского языка и немало сам в него привнесшего. Много лет назад он толково разъяснил истоки и значение слова «кинто». Оно происходит от «квинти» - «носящий тяжести на вые». В старину слово «квинти» означало еще и домового. Я успел в своем детстве увидеть и даже пообщаться с некоторыми кинто, которые ежедневно входили в наш двор с огромными подносами с тутой или фруктами, и эти тяжеленные блюда покоились, действительно, на макушке головы, которая в свою очередь опиралась на могучую шею (выю) этих высоких сильных мужчин. Голос хриплый, шулки грубоватые, могли и шугануть матом - «квинти»-домовой он и есть кинтошка.

И, наконец, последнее из удивившего в тексте О.Панфилова: «Из рассказов старожиллов можно услышать версии...», содержащие намеки на своеобразное занятие, связанное с сексуальными утехами» и все тому подобное, опять-таки связанное с кинто. Господин

Панфилов, я, мои близкие, друзья и приятели по велению времени оказались теми самыми тбилисскими старожиллами, которые многое видели и помнят. Мы почти все знаем друг друга, ведь нас осталось не так много на этой грешной Земле. Не могли бы вы сообщить нам конкретно имена упоминаемых вами старожиллов-тбилисцев, которые на старости лет взяли за тиражирование версий, вызывающих брезгливость? Мы посчитали бы большой драмой обнаружение в среде старых тбилисцев, ветеранов жизни, закаленных горестями и не разучившихся бережно относиться к каждой крупинке истории и культуры любимого города, хотя бы одного из тех, кто якобы подошел к вам близко и нашептал на ухо гадость. Пожалуй, мы не подали бы ему руки. Но - «был ли бачабози»?

О.Панфилов в своей статье оборонительно предостерегся: «Автор этого исследования не ставил перед собой цель оскорбить кого-либо или унижить...». Чуял, видно, чье мясо съест. И съел, и срыгнул, и пошел дальше. В конце концов, мы все существа ограниченной разумности и небезграничной нравственности.

Дальтоники путают зеленое с красным, и нам они кажутся немного больными. Но поэт молвил, что трава им видится земляникой, и тут же нам стало казаться, что это мы сами немного больны отсутствием такой волшебной способности. Красота жизни возникает в поэтической восприимчивости души. В душе подгнившей цветы умирают.

ПЕРЕБИРАЯ ПОБЛЕКШИЕ КАРТОЧКИ...

Дорогие тбилисцы!

Недавно я получил фотографию и сопровождающее ее письмо от бывшей ученицы 3-ей женской школы Нелли Лимановой-Осиповой. Фото датировано 7 апреля 1946 года.

Всмотритесь внимательнее, может, вы узнаете Ваших бабушек!

Семен Крихели

Тбилиси. 3-я женская школа. 1946 год.

Здравствуйте, Семен!

Я обнаружила у себя старую фотографию. Я не стала сканировать обратную сторону фотографии - очень бледно карандашиком, еле читается. Решила переписать. Вот что содержит обратная сторона:

“НА СМОТРЕ СТРОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ. СТАДИОН ИМЕНИ В.И.ЛЕНИНА. 7.4.46.”

Верхний ряд: Энна Штенгель; Рита; Тереза Барсегова; Марго; Марина Багдасарова.

Я этих девочек не помню, в любом случае они из 10-го класса, видимо, и в школе я их не знала.

В верхнем ряду наш военрук Ваган Петросович, которого мы ласково называли Ваганчиком и по любому поводу и без такового вгоняли в краску. А вот после нашего военрука, идёт мой класс. Это - Ната Кипиани (её уже нет), потом я собственной персоной, И снова 10-й класс, но мои хорошие знакомые: Вика Сирадзе (которая работала в ЦК Грузии); Ната Бабаева,

она же Капелька (сейчас живёт в Австралии. У вас был материал о ней.); Мери Чайгештова (жиёт в Москве, юрист, много лет проработала судьёй в Люберцах. Мы с ней дружим.); Сима.

Второй ряд: первую девочку не помню, Аэлита; Люся Мясникова; Ира Баблумова (живёт в Ленинграде); Лиля Тунтия (живёт в Тбилиси, мы встречались во время моего пребывания там в мае этого года); Бая Паперно; Берта Паперно; Алла Шахмурадова (живёт в Москве).

Нижний ряд: Надя Тарасенко; Кима Марутян; Лиля Мжаванадзе (мы звали её Пупсой. Её уже нет); Эмма Михалок (из эвакуированных во время войны). Больше никого не помню.

Мы пока держимся.

Я хорошо помню, как нас посадили в грузовик и повезли на стадион, который представлял из себя совершенно неустроенное пространство без намёка на зелень. Там были и другие женские школы. Мы заняли первое место. Почему

весной 1946 года понадобилось устраивать этот смотр - не знаю. Это были девятые и десятые классы. Мы ещё не знали, что уже через месяц нам объявят о предстоящем дополнительном годе учёбы (тогда ввели 11-й класс).

Мы сфотографировались спонтанно - просто у кого была форма, те и решили сфотографироваться, а было девочек больше.

А форму мы придумали сами, чтобы выделиться среди других школ, тем более что в те годы почти в каждой семье ещё хранилась хоть какая-нибудь гимнастёрка или военный китель. Сначала думали одеться в белые кофточки, но не у всех они были.

Писать и вспоминать очень больно: все разбредлись и многие ушли из жизни.

С уважением,

Нелли Лиманова-Осипова (НЛО)

DAVID'S SHIELD Inc.

Издатель и главный редактор:
Семен Крихели

www.davidsshield.net

Tel: (718) 275-5795

62-60 99 St. #1012 Rego Park NY 11374, New York USA
E-mail: semkr@hotmail.com